

Бережно выставив под солнце наточенный до зеркального блеска тесак, Сюн Чжуаншань смотрел на него с выражением, уступавшим по степени обожания только взгляду, которым он смотрел на Тан Шоу. Его лицо выражало нечто тревожное — казалось, ещё мгновение, и он высунет язык, чтобы с жадностью слизнуть с лезвия кровь.

Сердце Тан Шоу забилось тревожно и часто, он поспешно отвернулся, притворяясь, что ничего не заметил. Этот медведь, столько лет прослуживший в специальных войсках, пусть и не убил тысячи людей, но, вероятно, был близок к этому; жажда крови уже впиталась у него в кости, как у дикого зверя. Тан Шоу внутренне содрогнулся и поклялся, что ни за что не будет навлекать на себя его гнев.

Тем временем Сюн Чжуаншань чуть приподнял бровь. На его всё таком же холодном лице в глубине глаз промелькнула теплая улыбка. Его маленький супруг становился всё способнее, а потому его надо было слегка припугнуть, чтобы не вздумал прельститься каким-нибудь другим мужчиной и ускользнуть тайком.

— Фулан, завтра мы собираемся в город. Может, купить чего для обустройства новой печной лежанки? — спросил он.

Тан Шоу всё ещё витал в облаках, в голове стояла только пугающая картина выражения лица Сюн Чжуаншаня. Приложив руку к груди, чтобы унять тревогу, он рассеянно ответил:

— Не нужно, ты только помоги с работой.

Только договорив, он осознал, что сказал, и с удивлением распахнул глаза:

— Как ты узнал, что я собираюсь делать лежанку? Я ведь тебе об этом не говорил!

Сюн Чжуаншань поднялся и подошёл ближе, его высокая, крепкая фигура с лёгкостью заслонила собой не такого уж маленького Тан Шоу. На таком близком расстоянии давление, исходящее от него, казалось, вот-вот раздавит Тан Шоу, не давая ему даже нормально дышать.

— Фулан, я ведь знаю, о чем ты думаешь, — произнёс Сюн Чжуаншань, кладя широкую ладонь на мягкую щеку Тан Шоу и грубовато проводя пальцами по его уголкам губ. — Так что не вздумай сбежать. А ещё...

Остальное он не договорил, его слова утонули в поцелуе, полном страсти. А ещё... спасибо тебе за то, что в трудную для меня минуту ты всей душой стремился меня спасти. С той самой осени, когда ему было четырнадцать, никто больше не дарил ему такой глубокой и чистой привязанности. И потому даже если умрёт и станет призраком — он всё равно будет до конца защищать его.

В это время в столичной семье Цзинь понятия не имели, зачем Тан Шоу потребовались те самые глиняные кирпичи, но всё равно немедленно приказали людям изготовить их по предоставленным им чертежам. Хотя Цзинь Цзиньчэн испытывал некоторую неловкость из-за того, что не удалось заполучить рецепт зубного порошка, его старший брат лишь слегка улыбнулся.

— Цзиньчэн, ты всё сделал отлично, — сказал Цзинь Цзиньмин, ставя последнюю точку на бамбуковом свитке. Почерк его был решительным и мощным, совсем не похожим на его внешность — благородную и мягкую, подобно утончённому господину; резкие линии кисти будто бы пронзали пространство. Остановив кисть, он безмятежно улыбнулся и сказал: — Жаль только семью Ван. Они сами упустили такую возможность.

Зима стояла суровая, холод был пронизывающим, а ветер, казалось, мог прорезать кожу и выдрать кости. Тан Шоу свернулся в тёплой постели, положив голову на твёрдую, словно камень, грудь Сюн Чжуаншаня. Хоть это и было немного неудобно, он не желал двигаться — ведь Сюн Чжуаншань был таким тёплым. Когда по утрам он вставал, постель остывала почти мгновенно, и сколько бы Тан Шоу ни старался, согреть её одним своим теплом у него не получалось. Сюн Чжуаншань был для него словно живой обогреватель: рядом с ним в постели было уютно, можно было вытянуть ноги, и даже ступни не мёрзли.

Тан Шоу, разморённый теплом, в полудрёме пробормотал:

— Завтра в городе надо купить побольше специй, ещё несколько комплектов лакированной посуды, кое-какие приправы и еды... — он зевнул во весь рот. — Как только придут глиняные заготовки от семьи Цзинь, сразу займёмся обустройством тёплой лежанки. Изначально думал заняться этим весной, но здесь так холодно, что я весь день сижу в доме и всё равно коченею. Раньше по телевизору всё твердили, что глобальное потепление — проблема, я не верил. Только здесь я понял, что такое настоящая зима. Если бы я оказался здесь, когда был ещё слабым, вряд ли бы пережил такую стужу...

Тан Шоу продолжал бормотать всё тише и тише, пока не уснул.

Сюн Чжуаншань, склонив голову, долго смотрел на него, а в его обычно холодных глазах вспыхивала нежность, почти не свойственная ему. Хоть многие слова своего супруга он и не понял, но одно он знал твёрдо: кем бы ни был этот человек и откуда бы ни пришёл — он уже его. Навсегда.

Теперь, когда у него появились деньги, Сюн Чжуаншань даже не думал экономить на Тан Шоу. Он занял в деревне телегу с быком и сам отправился в город. Деревенские повозки делали простыми и прочными, безо всяких кузовов — просто голая доска. На таком сидеть даже холоднее, чем идти пешком.

Чтобы не заморозить своего маленького супруга, он укутал его в несколько слоёв одежды,

сверху накинул безрукавку из волчьего меха, а затем ещё и завернул в самое толстое одеяло из дома. Повозка была грязной, и вернувшись, это одеяло придётся обязательно распороть и выстирать. Но Сюн Чжуаншань об этом не переживал — лишь бы его супруга не продуло.

Первым делом они направились в лавку специй, где закупили всё необходимое. Хозяин лавки узнал Сюн Чжуаншаня: хотя тот был одет бедно, но появлялся часто, поэтому решил принять его за слугу из богатого дома. Чтобы завоевать его расположение, при расчёте даже скинул несколько десятков вэней.

После этого они закупили приправы, очищенный рис, а также другие продукты — сушёные древесные грибы, дикие грибы и прочую еду, привычную в Юйчжао зимой.

Когда они проходили мимо лавки тканей, Тан Шоу спрыгнул с повозки:

— Муж, мы уже заработали денег, давай купим немного ткани. Пошьём себе по паре новых ватных курток и обувь. Эта зима уж слишком сурова, а наша одежда дырявая насквозь, любой порыв ветра проходит прямо до костей.

Сюн Чжуаншань, конечно, был не против. Даже если бы Тан Шоу ничего не сказал, он сам собирался позаботиться об этом.

— Хорошо, выбирай сам, — ответил он.

А уж если Тан Шоу получал разрешение на покупки, то церемониться он точно не собирался. Он умел не только зарабатывать, но и тратить.

— Хозяин! — бодро начал Тан Шоу. — Отмотайте мне кусок льняной ткани: один синий, один фиолетовый. Моему супругу — один кусок индиго, один тёмно-синий.

Тан Шоу очень любил фиолетовый цвет. Когда-то в прежней жизни его однокурсники дразнили его за это, называя "фиолетовым геем", из-за чего он тогда всерьёз переругался с ними.

— Ещё отмотайте мне побольше плотного грубого полотна. Я хочу сшить два двуспальных одеяла и два тюфяка. Причём отмерьте больше обычного размера — мой муж крупный, стандартных размеров ему точно не хватит. Лучше пусть будет с избытком, а если окажется мало — я вернусь к вам разбираться! — добавил он с серьёзным видом.

— Не беспокойтесь, господин фулан, — засмеялся хозяин лавки, зажмурив глаза от радости. — Отрежу побольше, точно хватит! — он и не ожидал, что эти два крестьянского вида парня окажутся такими щедрыми покупателями: только на них одних он выручил бы, как за целый день торговли.

— Может, возьмёте ещё хлопка? — не удержался он. — Скажу вам, хлопок — это отличная

вещь. Даже тонкий слой теплее ваших толстых одеял из ивового пуха.

Увидев, как легко Тан Шоу тратит деньги, хозяин лавки всё-таки решился предложить ему роскошный товар. Обычно хлопок был слишком дорог даже для городских жителей, и уж точно никто бы не стал предлагать его простолюдинам. Просто он подумал, что спросить не помешает — вдруг повезёт.

И кто бы мог подумать — Тан Шоу тут же кивнул:

— Давайте. Насыпьте мне побольше, чтобы хватило на всю ту ткань, что я купил раньше.

Рука хозяина лавки с ножницами вздрогнула, он едва не срезал ткань криво. С удивлением округлив глаза, он чуть не лишился дара речи:

— Всю ту ткань... тоже под хлопок?

— Конечно, — невозмутимо подтвердил Тан Шоу. — И одеяла, и тюфяки тоже набью хлопком.

Хозяин лавки уже был настолько ошарашен, что слов не находил. Он смотрел на Тан Шоу так, будто перед ним стоял сумасшедший. Но руки его заработали вдвое быстрее: за считанные минуты он упаковал всё и помог погрузить на повозку, лишь бы Тан Шоу не передумал.

Поглядывая на стоящего рядом Сюн Чжуаншаня, хозяин лавки окончательно сбился с толку. Этот человек одним видом напоминал бурого медведя: резкий, неуживчивый, готовый в любой момент вспыхнуть гневом. Как же он умудряется терпеть такого транжиру, который за один поход в город ухитрился потратить столько денег, что самому хозяину лавки было бы жаль?

Всего на покупки ушло почти пять лян серебра. Основную часть составила стоимость хлопка: хоть Тан Шоу и выбрал самый дешёвый сорт, где было полно мусора и посторонних волокон, даже такая покупка была настоящей роскошью.

В деревне никто, кроме их семьи, не мог позволить себе такие траты. Только благодаря тому, что недавно на продаже зубного благовония они заработали большую сумму, Тан Шоу теперь мог так легко распоряжаться деньгами.

— Муж, — обернувшись к Сюн Чжуаншаню, сказал он, — у тебя ведь на ногах всё ещё летние башмаки. Пойдём ещё купим тебе тёплые ботинки. Теперь у нас есть деньги, нечего жалеть.

Сердце Сюн Чжуаншаня согрелось от этой заботы. Он редко испытывал такие тёплые чувства, но сейчас они тихо затопили его душу.

— Ничего, — отозвался он, голос его стал мягче. — Что захочешь — покупай. Деньги для того и

зарабатываются, чтобы их тратить. Мы можем себе это позволить. Только тёплые ботинки лучше не покупать. Давай купим материалы, а дома попрошу деревенских помочь сшить — будет и удобнее, и теплее. И тебе заодно сошьём пару пар на смену.

Сказав это, он заметил, что Тан Шоу не отвечает. Оглянувшись, увидел, что тот задумался, уставившись куда-то вдаль.

— Фулан, фулан... — тихо позвал Чжуаншань.

Тан Шоу, очнувшись от задумчивости, встретился с его взглядом — и сразу широко заулыбался:

— Муж, я только что придумал ещё один способ заработать!

Но в отличие от его радостного возбуждения, в глазах Сюн Чжуаншаня мелькнула сложная тень. В этих обычно холодных и равнодушных глазах забурлили тяжёлые, невыразимые эмоции. Чем больше умений и возможностей демонстрировал Тан Шоу, тем сильнее Сюн Чжуаншань ощущал тревогу: казалось, что рано или поздно этот человек уйдёт от него.

Нет, этого он не допустит. Никогда. Одна только мысль о такой возможности заставила кровь в жилах Сюн Чжуаншаня вскипеть, а глаза налились кровью.

Фулан принадлежит ему. И никто, никто не посмеет его забрать. Он будет оберегать его, будет позволять ему делать всё, что тот пожелает, лишь бы видеть его счастливым.

Неизвестно, каких усилий стоило Сюн Чжуаншаню подавить весь этот вихрь чувств в глубине сердца. Он опустил глаза и спокойно спросил:

— Какой способ?

Тан Шоу, захваченный своим воодушевлением, не заметил изменений в нём и радостно заговорил:

— Пока мы ехали сюда, я обратил внимание, что ни у одного путника нет обуви с многослойной подошвой. Мы можем делать ватные ботинки на тысячеслойной подошве и продавать их в столице молодым господам из знатных семей!

— Обувь на тысячеслойной подошве?

— Да! Я сам делать их не умею, но знаю способ. Найдём какую-нибудь девушку, которая умеет шить, я объясню ей, пусть пробует — не страшно, если сначала испортит материал. Несколько раз пробует — обязательно получится.

— Хорошо, — сразу согласился Сюн Чжуаншань.

Не имея практического опыта, они не знали, сколько попыток потребуется, поэтому Тан Шоу закупил много материалов.

Вернувшись домой, первым делом Сюн Чжуаншань снял с телеги новую жаровню. В больших домах знатных людей такие очаги обычно использовали для обогрева комнат, подбрасывая в них древесный уголь. Этот очаг он купил специально для Тан Шоу — его маленький супруг очень боялся холода. Даже если целый день чем-то занимался, руки и ноги у него всё равно оставались ледяными, не то что у Сюн Чжуаншаня, которому стоило только размяться, как кровь согревала всё тело.

Сюн Чжуаншань разжёг очаг, и Тан Шоу, закутавшись в одеяло, устроился рядом, вытянув руки и ноги к огню. Уже через несколько минут он почувствовал, как в конечности наконец-то возвращается тепло.

— Муж, — пробормотал Тан Шоу, — обувь на тысячеслойной подошве, если получится, станет настоящей денежной жилой. Но я всё переживаю: если нанять деревенских девушек, вдруг со временем, когда дело пойдёт в гору, они захотят переметнуться и разболтают секрет изготовления...

— Тогда пусть делают свои, домашние, — спокойно предложил Сюн Чжуаншань. — Мать и четвёртая сестра хорошие мастерицы, ты их научишь. Они точно никому ничего не раскроют.

Тан Шоу кивнул:

— Изначально я так и думал. Но ведь у семьи ещё и дело с пирогами — вдруг нагрузка окажется слишком большой.

Неожиданно Сюн Чжуаншань усмехнулся, да так многозначительно, что Тан Шоу невольно насторожился:

— Не переживай, фулан. Для нашей семьи такие мелочи — не проблема. Даже если ты дашь им три-четыре вида работы, они всё осилят. Пока есть заработок — будут трудиться.

В эпоху Юй девушки вовсе не были избалованными нежными созданиями. Наоборот, с ранних лет они привыкли к тяжёлой работе, иной раз были крепче, чем крестьянские парни. Без всякой техники они своими руками пахали поля, и та усталость, те страдания были непередаваемы для людей из благополучных времён, в которых вырос Тан Шоу.

— Тогда пусть занимаются, — согласился Тан Шоу, но чувство странности не покидало его. Лишь спустя время он сообразил, в чём подвох: да ведь этот медведь только что намекнул, что он сам, Тан Шоу, нежный и избалованный!

Да что такого, ну любит он поваляться в постели и встать попозже! Работу по дому он действительно почти не делал — всё тащил на себе Сюн Чжуаншань, а Тан Шоу обычно поднимался не раньше часа Сы. Но зато обеды всегда готовил он сам! А аппетит у этого медвежьего увальня был такой, что съедал за раз, словно целая семья!

Тан Шоу сердито уставился на Сюн Чжуаншаня, надув губы. Ну и что, что он нежный?

И тут обычно холодный и молчаливый Сюн Чжуаншань вдруг рассмеялся. Да так заливисто, от души!

Тан Шоу, глядя на него, даже слегка растерялся: надо же, оказывается, этот угрюмый медведь, когда улыбается, выглядит очень даже привлекательно...

* Туфли с тысячеслойной подошвой получили свое название благодаря нескольким слоям белой ткани, сложенных вместе на подошвах. Подошва изготавливается из высококачественного материала, например, шерстяной пряжи, которая сочетается с отбеленной тканью для изготовления верха, а затем сшивается в обувь. Готовое изделие удобно в носке, легкое и нескользящее, теплое зимой, дышащее и впитывающее пот летом.

Первые в Китае ботинки с тысячеслойной тканевой подошвой появились во времена династии Чжоу. На подошвах коленапреклоненной статуи воина династии Чжоу, найденной при раскопках в городе Хоума, провинция Шаньси, более 3000 лет назад, отчетливо видны ряды аккуратно расположенных стежков, которые в точности совпадают с таковыми на современной матерчатой обуви с многослойной подошвой.

<http://bllate.org/book/13592/1205361>